

Более чем вопрос существования на Марсе либо каких других планетах занимает меня возможность литературной жизни в нашей провинции. Вопрос не столь праздный, как может показаться на первый взгляд. Высоколобый эстет, конечно же, брезгливо поморщится, для него вся местная литература неинтересна даже на уровне экзотики. Патриот же и краевед какой из пенсионеров мигом назовёт бессмертного автора «Женитьбы Дон-Жуана», чьё имя украшает областную библиотеку, и ещё, пожалуй, лауреата Сталинской премии, полученной во время оно за пролетарский роман о людях земли Кузнецкой. Для меня же, однако, всё не так просто.

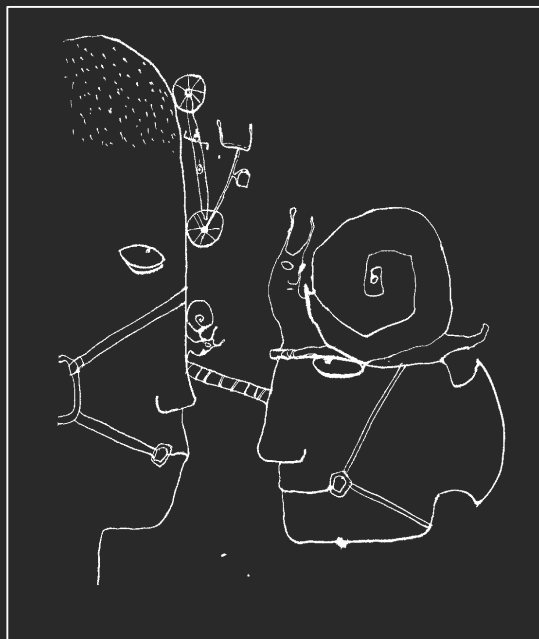
Прожив всю свою сознательную жизнь в столице так называемой «жемчужины Сибири», я никогда не считал себя провинциалом. Тем паче я не считал провинциальными свои тексты. Совершенно излишне объяснять, что кузбасская поэзия на меня никак не повлияла, хотя и читал её добросовестно одно время. Ориентация с самого начала была на некий, как тогда казалось, столичный уровень. Рамки областной литературы были тесны с самого начала по причине растиньяковского честолюбия, и перспектива именоваться кемеровским поэтом была оскорбительной. Какой я вам кемеровский поэт, подите прочь, дураки! При чём здесь штамп в паспорте, место жительства? Разве можно быть кемеровским поэтом (равно томским, иркутским, урюпинским)? Поэт, и всё тут, ну – русский поэт, ну, на худой конец, московский... Конечно, лет эдак пятнадцать назад имена, допустим, Вознесенского, Кузнецова, Тарковского не связывали с Москвой. Они существовали как бы во внепространственном поле литературы, наравне с классиками. Впрочем, и сам, пописывая вирши в тетрадку, думал, что этим уже приобщаюсь к парнасцам. Но потом, по мере понимания, чего я добиваюсь от музыки, освоения ремесла, стало ясно, что только в первопрестольной я найду ребят, делающих нечто подобное. Москва для литераторов – что Париж для художников. Централизована и официальная литература – журналы, издательства, а что уж говорить об андеграунде, который лишь года три как вышел из подполья. Только в Москве до недавнего времени и была возможность узнать, что делается в современной поэзии, участвовать в самиздате, в различных акциях, подпольных выступлениях. Так и оказались в Москве Жданов, Ерёменко, Парщиков, пресловутая троица метаметафористов, которая подняла «новую волну». Сейчас нельзя сказать, что это была цунами, но уж никак и не буря в стакане воды. Если оставить в стороне споры о всяческих «измах», ясно, что появилось одновременно очень много хороших поэтов, сильно изменивших мнение об упадке поэзии. Но я хочу сказать о том, что шесть лет назад, оказавшись неподалёку от этой тусовки, я впервые ощутил свой провинциализм. Мне вдруг показалось, что, варясь в собственном кузбасском соку в окружении нескольких друзей, я изобретал велосипед, да к тому же несколько устаревшей конструкции. И я стал этот велосипед модернизировать, стал выводить родимые пятна провинциализма, как сводят татуированную русалку с плеча, стыдясь приклатнённой молодости. Теперь понятно, что это вылез наружу глубоко спрятанный комплекс провинциальной неполноценности, о котором, может быть, я и сам не подозревал. А тогда я старался привить, как прилежный мичуринец, к сибирской ранетке московские авангардные штучки-дрючки. Точнее, я вообще надеялся, отважный селекционер, получить какой-нибудь экзотический фрукт, но, слава Богу, не получил. В какой-то момент я почувствовал, что подобные эксперименты чреватые если не полной потерей голоса, то уж фальцетом запищу, это точно. Естественно, осознание инородности пришло не внезапно, не в один миг. Но, осознав свою суверенность, я перестал стыдиться провинциальности, я понял, что именно ей я обязан, может быть, каким-то своим голосом, своим взглядом. Уголь и химия, я понял, настолько глубоко въелись не то что в плоть, – в самую душу, так что изменили структуру сознания, деформировали зрение. Вся эта каменноугольная почва, эта фенольная вода, этот азотнокислый воздух пополам с пылью –

моя культурная почва, на которой вырос и с которой на столичную гидропонику безболезненно не пересадишь. И как-то сами собой пейзажи с угрюмыми терриконами, с отвалами, подобными лунным пейзажам, с трубами химзаводов вылезли, как шило из мешка, в стихах, даже помимо моей воли. Короче, я ощутил себя провинциалом чистой воды, насколько она может быть в нашем краю чистойшей...

Столь длинный автобиографический экскурс предпринят для того, чтобы подвести читателя к очевидной, едва ли не банальной мысли: поэзия не кончается, стоит отъехать от Москвы-Петербурга на сто километров, хотя и попадешь, разумеется, в глухомань, тьму-таракань, межвежий угол. Впрочем, и Москва сама-то – всего лишь большая деревня, да и Россия – провинция Европы... Так вот, поэзия – пресволочнейшая штукавина, стихи, известное дело, растут из любого сора, а дух, как водится, дышит, где хочет. И мне сдаётся, что буйное кратковременное цветение столичных клумб истощило в значительной мере культурный слой, нанесённый на торцы мостовых подошвами звуколюбивых провинциалов. И настало время самой натуральной гидропоники – иронистов средней руки, куртуазных маньеристов, унылых постмодернистов и проч. Подопустели эмигрантские закрома, напечатан уже весь «серебряный век», известный, впрочем, давно уже по самиздату. И теперь, думается, наступает время провинции. Надо сказать, и раньше то тут, то там появлялись интересные публикации провинциалов, но оставались они на периферии внимания читателей и критики. Так, абсолютно неизвестными как были, так и остались поэты ростовской «заозёрной школы» В. Калашников, Г. Жуков и И. Бондаровский, хотя книжки их, выпущенные года три назад за свой счёт, были событием. Кто знает великолепных волгоградских поэтов С. Васильева и С. Надеева? А ведь публикации у них были и в «Новом мире», в журнале, в общем-то, скуповатом на хорошие стихи. Но вот замечательную саратовскую поэтессу Светлану Кекову, думаю, знают все, и лишь потому, что её представляет на страницах «Знамени» Бахыт Кенжеев. Бывший москвич и соратник Гандлевского, Сопровского и Цветкова по группе «Московское время», а нынче житель Канады. Вот он и поёт гимн российской провинции, но... Ежели б не его подача, кто бы напечатал эту – как её? – Кекову... И всё-таки я думаю, что слово за провинцией. И не только за европейской или уральской, но и за сибирской. <...>

Опубликовано в «Литературно-художественном альманахе Кемеровского университета «Ковчег» (1991)

Графика Ольги Помыткиной